

Проснувшись на следующее утро, Лю Мухань сразу почувствовал приятное тепло: кто-то нежно обнимал его за шею.

Он с улыбкой повернул голову. Сяо Хань всё ещё лежал с закрытыми глазами. Мухань протянул руку и бережно пригладил его растрёпанные волосы.

Мальчик уткнулся лицом ему в шею, сонно заерзал и тихо прошептал:

— С добрым утром, брат.

Лю Мухань не ожидал, что тот уже проснулся, и мягко улыбнулся:

— С добрым утром, Сяо Хань. Будем вставать?

— Угу, — тихо отозвался мальчик.

Мухань поднялся первым. Быстро одевшись и наскоро приведя себя в порядок, он помог названому брату подняться с постели.

Тот всё ещё был одет в его вещи. Старая одежда сидела на Сяо Хане мешком: широкие рукава и штанины волочились по полу. Мухань заботливо закатал их на несколько оборотов и, убедившись, что ткань больше не мешает движениям, усадил мальчика обратно на край постели.

В деревянном сарае, где они устроились, не было почти ничего для умывания. Мухань взял таз и отправился на кухню за горячей водой.

Быстро умывшись, Лю Мухань достал из пространственного хранилища припасённую со вчерашнего дня еду.

В пространстве продукты не портились и оставались горячими. Рассудив, что после сна лучше не есть ничего тяжёлого, Мухань выбрал лёгкие, нежирные блюда, и они вдвоём быстро со всем управились.

Закончив с завтраком, Лю Мухань принёс ещё тёплой воды, чтобы вымыть волосы себе и Сяо Ханю.

Накануне вечером он не стал затевать мытьё, побоявшись, что мокрые пряди не успеют высохнуть до сна и мальчик простудится.

Днём постояльцы редко просили горячую воду, а в трактире её всегда держали с избытком.

Когда Мухань пришёл на кухню, тамошние слуги радушно предложили ему набрать побольше и заходить за добавкой в любое время.

Однако во время мытья Лю Мухань заметил кое-что неладное.

Его собственные волосы были чистыми, но у Сяо Ханя на голове запеклись старые корки крови, намертво склеившие целые пряди.

Мухань и без того знал, какую тяжёлую жизнь вёл мальчик, поэтому не стал беречь старые раны расспросами. Он лишь молча, с предельной осторожностью промывал его волосы. Пришлось сменить четыре таза воды, прежде чем грязь и кровь полностью сошли.

Сяо Хань послушно лежал, положив голову на колени Муханя, и, зажмурившись, тихонько наслаждался его заботой.

Они негромко переговаривались. Сяо Ханя живо интересовало прошлое своего названного брата, и он без конца расспрашивал, как тот жил раньше.

Лю Мухань лишь с улыбкой делился воспоминаниями об их горной обители, рассказывая забавные мелочи о том, как лазил по деревьям или ловил рыбу в реке. Но Сяо Хань слушал затаив дыхание, словно рисовал в своём воображении образ весёлого юноши, когда-то резвившегося на склонах гор.

Вымыв голову, Мухань не стал выливать мыльную воду, а сразу постирал вчерашнее бельё. Сильнее всего пострадало рубище Сяо Ханя — грязное, покрытое прорехами. Мухань решил дожидаться, пока оно высохнет, а затем подобрать плотную красивую ткань из своих запасов и поставить аккуратные латки.

Так, за мелкими повседневными хлопотами, незаметно текло время.

Пока Лю Мухань был занят делом, Сяо Хань сидел на деревянном пороге. Он не видел брата, но чутко прислушивался к каждому шороху его движений, мысленно следуя за ним.

Незаметно солнце поднялось в зенит, возвещая о наступлении полудня.

Развесив выстиранные вещи на верёвке, Лю Мухань обернулся:

— Сяо Хань!

— Брат! — малютка резко вскочил с порога, но покачнулся и едва не полетел кубарем на землю.

Мухань мгновенно рванулся вперёд и подхватил его в охапку:

— Ну куда же ты так торопишься?

Мальчик смущённо опустил голову:

— Ты ведь позвал меня.

Лю Мухань рассмеялся:

— Я просто хотел узнать, не проголодался ли ты. Дела я закончил, пойдём пообедаем?

— Пойдём, брат, — Сяо Хань сам доверчиво нащупал его ладонь и крепко сжал пальцы.

Лю Мухань и теперь не собирался выходить через парадный вход. Он повёл Сяо Ханя обходным путём, через задний двор, но стоило им поравняться с главными воротами трактира, как снаружи донёсся оглушительный шум голосов.

— Любо! Хорош! — доносились восторженные выкрики зевак.

Толпа прямо-таки взрывалась одобрителем улюлюканьем.

Сяо Хань вздрогнул от неожиданности и сильнее прижался к спутнику.

Мухань поспешно увёл его в сторону, негромко приговаривая:

— Не бойся, Сяо Хань. Там просто какая-то потасовка, народ развлекается. К нам никто не полезет.

Мальчик придвинулся к нему почти вплотную:

— Брат, мне совсем не страшно.

Мухань лишь тихо улыбнулся про себя — не страшно ему, как же, иначе чего бы он так льнул?

Вслух он, разумеется, ничего не сказал, а лишь крепче сжал ладонь мальчика и повёл его прочь от опасного места.

Отойдя подальше, Мухань заметил, что уличная драка возле трактира «Как пожелаешь»

приковала к себе внимание едва ли не половины городка. Толпы зевак запрудили улицу, а находчивые торговцы успели перетащить свои лотки поближе к месту зрелища.

Не желая ввязываться в чужие дразги, Лю Мухань увёл Сяо Ханя в боковую улочку. Однако стоило им углубиться в город, как выяснилось, что из-за всеобщего переполоха почти все закусочные закрылись.

Обойдя несколько кварталов, он наконец наткнулся на неприметную лавочку в глухом переулке, где пожилой кулинар варил лапшу.

— Хозяин! Принеси-ка нам две порции лапши со свининой и зеленью, — заказал Мухань.

— Сейчас всё сделаем, почтенный, обождите малость! — донёсся приветливый голос лоточника.

Мухань усадил Сяо Ханя за шаткий столик у самой стены.

Вскоре перед ними исходили паром две полные миски.

Но едва Мухань взял в руки палочки, как на них сверху с оглушительным треском рухнуло что-то огромное.

У него не оставалось времени разбираться, что именно летит им на головы. Мухань инстинктивно рванул Сяо Ханя на себя, уводя из-под удара. В следующую секунду стол разлетелся в щепки, а свежая горячая лапша шлёпнулась в придорожную грязь.

Мухань прижал перепуганного Сяо Ханя к себе, заслоня спиной, и настороженно уставился на толпу, которая мгновенно заполонила переулок.

Старик-лапшевник в отчаянии всплеснул руками, глядя на погубленный обед и сломанную мебель, но подойти ближе к разбушевавшимся бойцам не решился.

— Ну что, Мэй Цзыминь! Договор дороже денег! Сегодня ты позорно проиграл моей плётке. Признаёшь поражение? — раздался звонкий девичий голос.

Тот, распластавшийся в грязи среди обломков стола, сплюнул кровь:

— Тьфу! О твоей подлости весь цзянху знает! Я был ранен, только поэтому ты и одолела меня! Вот затянутся раны — я из тебя всю дурь выбую, сама пощады просить будешь!

— Ах ты дрянь! Раз не признаёшь, я тебя силой заставлю! — в воздухе со свистом взметнулся

кожаный жгут.

Однако долететь до цели плётке было не суждено. Кто-то перехватил её на лету — усатый мужчина со стальной хваткой.

Ремень натянулся как струна и с силой отлетел обратно.

Дерзкая нападавшая покачнулась от неожиданного отпора и едва не растянулась на земле, но её вовремя подхватили под локоть.

— Мэй Маобин! Ты ведь старший по положению, как тебе не стыдно нападать на девчонку? — из-за спины девицы выступил мужчина в просторных лазоревых одеждах, чья осанка так и дышала благородством. — Цинсуй — моя ученица. Если у тебя есть ко мне счёты, так и выскажи их мне в лицо, а не отыгрывайся на беззащитных.

— Ха! — злобно сплюнул тот, поглаживая усы. — Какая редкая бесстыдность! Твоя девка напала на моего раненого ученика исподтишка, пока мы вели честный поединок, а теперь ты строишь из себя поборника справедливости? Да тебе, Ю Гуаньюй, с твоим «благородством» давно пора сменить имя с «Прекрасного нефрита» на «Грязного шута»!

Ю Гуаньюй мгновенно растерял своё напускное миролюбие:

— Мэй Маобин, споры в цзянху принято решать честным оружием. А твои подлые нападки мало вяжутся с обликом благородного мужа.

— О, так просвети меня, что же такое благородство! — Мэй Маобин с вызовом сощурился. — Ты просил о честном бое, и я не возражал. Но что вытворила твоя воспитанница? Напала на калеку! Раз уж ей так не терпится помахать оружием, давай-ка я сначала отрублю ей руку, а потом мы посмотрим, как она запоёт!

Правда была явно не на стороне Ю Гуаньюя.

Толпа зевак тут же согласно загудела:

— Великий герой Ю, тут старик Мэй прав! Все знают, что парень едва дышит после прошлого боя, а твоя девица набросилась на него, пока наставника рядом не было. Подло это!

— Верно говорят! В цзянху должен быть порядок! Если каждый станет добивать раненых, завтра любой проходимец сможет прирезать тебя самого, когда ты занеможешь!

Вспыльчивая Ю Цинсуй не выдержала и взвизгнула:

— Да если бы я хотела его прикончить, то взялась бы за меч, а не за плётку! Один удар — и дело с концом!

Ю Гуаньюй мысленно выругался. Глупая девчонка своими речами лишь глубже затягивала петлю у себя на шее.

Окружающие мастера боевых искусств тут же разразились новой волной гнева:

— Какая кровожадность! Великий герой Ю, ну и воспитал ты змею на свою голову!

— Ты только послушай её! «Один удар»! Мы, последователи Праведного учения, чтим кодекс чести. Убивать лежачего — удел презренных разбойников. А она хвалится, что всего лишь отхлестала его плетью! Да парень от любого толчка может душу испустить! Случись с ним что, как ты перед людьми оправдываться будешь, Ю Гуаньюй?

— Нельзя это так оставлять!

Ю Гуаньюй наградил ученицу яростным взглядом. Сам он никогда не брезговал силой подавлять слабых — в мире боевых искусств это обычное дело, — но выставять подобные замашки напоказ перед толпой было верхом глупости.

Ему было плевать на здоровье избитого Мэй Цзыминя, но делать это посреди людной улицы было непростительной ошибкой.

Мысленно проклиная собравшихся лицемеров, Ю Гуаньюй натянул на лицо извиняющуюся улыбку и примиряюще поднял руки:

— Прошу простить великодушно! Моё упущение, недоглядел за девчонкой. Обещаю, дома я проучу её как следует.

— И всё? — язвительно хмыкнул Мэй Маобин, помогая побитому ученику подняться на ноги. — Твоя девка превратила моего преемника в кровавое месиво, а ты хочешь отделаться пустыми обещаниями? Пусть Цзыминь вернёт ей долг. Сколько раз она его ударила, столько же ударов получит сама. По рукам?

Ю Гуаньюй набычился, буравя соперника тяжёлым взглядом.

Но Мэй Маобин отступать не собирался:

— Что молчишь? Махать кулаками горазды, а как пришло время платить по счетам — язык проглотил?

— Цинсуй — девушка! Как можно приравнять её к мужчине? — сквозь зубы процедил Ю Гуаньюй.

— А мой ученик едва дышит! — взревел Мэй Маобин и с размаху опустил ладонь на соседний столик. Тот с треском развалился. — Если не выдашь паршивку прямо сейчас, мы решим это кровью! Посмотрим, хватит ли у тебя сил защищать её до гробовой доски!

Ю Гуаньюй хмуро покосился на ученицу.

Та упрямо вскинула подбородок и наставила кончик плётки на раненого Мэй Цзыминя:

— Он сам виноват, что слабак! В цзянху правит сила! Не умеешь драться — терпи побои!

Будучи избалованной с малых лет, Ю Цинсуй привыкла всегда получать своё. Сейчас, когда на неё ополчилась вся улица, да ещё и учитель выказал недовольство, в её душе klokотала слепая ярость. Ей отчаянно требовалось выместить на ком-то злобу. Оглядевшись по сторонам, она заметила стоявшего неподалёку Лю Муханя. Размахнувшись, она со свистом обрушила кожаный жгут прямо на него.

Лю Мухань не обладал внутренней энергией, но его реакция не подвела: услышав свист рассекаемого воздуха, он резко развернулся, прикрывая собой Сяо Ханя. Но увернуться полностью не успел — тяжёлый кожаный ремень с размаху полоснул его по предплечью.

— Чего уставился? — взвизгнула Ю Цинсуй, нагло вытаращив глаза. — Ещё раз зыркнешь — ослеплю на оба глаза, тварь!

<http://bllate.org/book/18166/1752018>